

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.11

УДК 061, ББК 66.7

© Дайширо Номия, Исаму Сугино, Риса Мурасе

**Общественные движения как смысловые сети:
построение ментальной карты кампании антиядерного
движения 2012 года в Японии***

Дайширо Номия

Университет Чуо

Токио, Япония, 742-1, Хигаси Накано, Хатиодзи, 192-0393

E-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp

ORCID: 0000-0001-9467-5188

Исаму Сугино

Университет Отяномидзу

Токио, Япония, 2-1-1, Оцука, Бункё, 112-8610

E-mail: sugino.isamu@ocha.ac.jp

ORCID: 0000-0001-8636-0995

Риса Мурасе

Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл

Чапел-Хилл, США, 254, Гамильтон-Холл, СВ 3210, Северная Каролина,
27599-3210

E-mail: risa@live.unc.edu

ORCID: 0000-0002-1114-5593

* Исследование выполнено при поддержке гранта JSPS KAKENHI № 18K02040. Автор, ответственный за переписку: Daishiro Nomiya (dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp).

Для цитирования: Номия Д., Сугино И., Мурасе Р. Общественные движения как смысловые сети: построение ментальной карты кампании антиядерного движения 2012 года в Японии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.11

For citation: Nomiya D., Sugino I., Murase R. Social movements as networks of meanings: constructing a mental map of the 2012 antinuclear movement campaign in Japan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 158–174. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.11

Аннотация. Общественное движение — это поле битвы смыслов; кампания в поддержку общественного движения содержит кластер разнообразных смыслов, носителями которых являются её участники. Используя понятие «смысловая сеть» [1; 2], ученые попытались описать процесс атрибуции коллективного смысла и появляющиеся в результате данного процесса смысловые кластеры, а также центральные/доминирующие и периферийные смыслы в кампаниях общественных движений. Тем не менее до настоящего времени исследования таких смысловых кластеров в рамках реальных общественных движений еще не проводились. Настоящая статья представляет собой попытку создания так называемой «ментальной карты», отображающей кластер смыслов, которые несет в себе кампания общественного движения. С помощью метода сетевого анализа нами был создан сетевой график, отражающий кластер значений, присутствующих в кампании общественного движения. Исследовательской площадкой для сбора эмпирических данных выступила кампания антиядерного движения 2012 г. в Японии. Анализ сетевого графика 2012 г. четко выделяет центральные смыслы, которые считаются доминирующими в этой кампании, и кластер смыслов, которые составляют подмножество во всей сети смыслов. Для того чтобы обеспечить возможность нашей исследовательской методики дифференцировать смысловые кластеры одной кампании общественного движения от другой, мы сравнили кампанию 2012 г. с кампанией 1954 г. Различия оказались разительными: в кампании 2012 г. значительную роль сыграли материнские чувства и необходимость защиты детей, а также беспокойство по поводу состояния местной окружающей среды; в то время как кампания 1954 г. преимущественно основывалась на коллективной памяти о событиях в Хиросиме и Нагасаки и опасениях в отношении безопасности пищевых продуктов. Подход на основе построения ментальных карт позволяет понять причины кампании движения еще с одной точки зрения и изменения в менталитете и процессах атрибуции смысла в общественных движениях, поскольку, учитывая имеющиеся данные, он может быть применен и к прошлым кампаниям.

Ключевые слова: ментальная карта, общественное движение, кампания общественного движения, смысл, сетевой анализ, сеть смыслов, Япония.

Введение

11 марта 2011 года в Японии произошло сильное землетрясение, за которым последовало гигантское цунами. Города и деревни были сметены с лица земли, в северных тихоокеанских прибрежных районах главного острова погибло около двадцати тысяч человек, была парализована работа атомной электростанции в Фукусиме. Во второй половине следующего дня произошел взрыв на первом энергоблоке, а затем последовали взрывы на втором и третьем энергоблоках. После этого японское правительство отдало приказ об эвакуации жителей, проживавших в радиусе 20 километров от места расположения АЭС.

Авария на АЭС «Фукусима-1» и ее последствия вызвали волну общественных движений. 27 марта 2011 г. более тысячи протестующих вышли на улицы Токио, образовав первую антиядерную демонстрацию после событий 11 марта 2011 г. Как сообщает газета «Asahi» от 4 апреля, в Киото 3 апреля состоялась еще одна демонстрация, в которой приняли участие

около 500 человек. С тех пор волна антиядерных кампаний прокатилась по всей Японии.

К середине апреля антиядерные кампании получили широкое распространение. Последовательно во многих населенных пунктах прошла серия антиядерных демонстраций, бесед, собраний и форумов. Прошли также крупные агитационные мероприятия. 11 июня была организована огромная национальная кампания: в мероприятиях, охвативших всю страну, приняли активное участие более трех тысяч гражданских организаций. Еще одно крупное мероприятие было организовано 11 сентября. И снова требования о денуклеаризации зазвучали примерно в сорока различных населенных пунктах.

В новейшей истории японцы нечасто становились свидетелями акции протеста, которая продолжалась бы в течение столь длительного периода времени. За первые шесть месяцев этой акции почти непрерывно проходили кампании и мероприятия, включая переговоры и

форумы, в различных частях страны. В календаре событий, посвященных денуклеаризации в Японии [3], практически ежедневно в период с 1 мая по 31 августа 2011 г. наблюдалось несколько антиядерных кампаний.

В связи с возрождением антиядерного движения были опубликованы исследования, направленные на изучение характера акций протеста после событий 11 марта 2011 г. Данные работы рассматривали такие проблемы, как: экологические риски, безопасность пищевых продуктов, восстановление населенных пунктов и защита человеческой жизни. Во всех этих исследованиях выделяется отличительная особенность: для того чтобы понять природу общественного движения, они в основном полагаются на объективно наблюдаемые события и фактическую информацию. При этом делается акцент на измеримых фактах и наблюдаемых аспектах, наряду с другими особенностями общественного движения, важными для его понимания. Например, одно исследование показывает большой объем участия и более высокие показатели вовлеченности молодых и неопытных как отличительную особенность современных антиядерных движений [4].

Основываясь на изучении аспектов, наблюдаемых извне, можно выявить важные особенности гражданской деятельности, и, таким образом, это становится неотъемлемой частью усилий, направленных на понимание современных антиядерных движений. Однако такой подход, если не применять его с большой осторожностью, может привести к неверным умозаключениям. В частности, он рискует объединить заведомо различные кампании общественного движения. Например, пытаясь понять характер движения против войны в Ираке в 2002–2004 гг., наблюдатели отметили, что важной чертой этой кампании стал широкий охват молодых и неопытных людей [5]. Данная характеристика оставляет нам мало возможностей для понимания сущности движения против войны в Ираке десятилетней давности и сегодняшнего антиядерного движения в Японии.

Антиядерное движение в нынешней Японии нужно рассматривать отдельно. Эффективный путь для его альтернативного понимания предлагает культурный подход. Обусловленный контекстом, он подчеркивает традиции, образ жизни, мысли и восприятие, а также дру-

гие свойства, присутствующие в сознании людей в конкретной культурной среде. Она дает нам инструмент, с помощью которого можно глубоко проникнуть в тонкости общественного движения, и это должно привести нас к его восторженному пониманию.

Литература по антиядерному движению, начавшемуся после событий 11 марта 2011 г.

На сегодняшний день предпринималось несколько попыток понять современное антиядерное движение в Японии с точки зрения культурных элементов. Такие попытки неизменно заглядывают в мысли и сознание, считающиеся доминирующими в движении. Например, Suga интерпретирует сегодняшнее антиядерное движение как кульминационный результат общественных движений в предыдущие десятилетия [6, с. 9-11]. Он утверждает, что требования движения в значительной степени сформированы мыслями и духом времени, которые в свою очередь обусловлены их предшественниками в предыдущие периоды. По мнению исследователя, общественное движение, вызванное событиями 11 марта 2011 г., является прямым продолжением духовных движений 1980-х годов, характеризовавшихся веселым настроением и неполитическими ориентациями в субкультурных группах¹ [6, с. 273-328]. Такой исторический подход ученого отличается от остальных подходов тем, что он выдвигает историческое развитие духовности в качестве фундаментальной силы, определяющей характер движения.

В соответствии с интерпретацией Suga, Kawamura предлагает послевоенную историю идей, касающихся ядерной энергии. В своей работе исследователь утверждает, что интерпретации и восприятие «ядерной тематики» в умах обычных людей резко изменились и что направление изменений было в значительной степени обусловлено критическими событиями того времени. Таким образом, по словам Kawamura, правительственные кампании 1950-х гг., направленные на развитие ядерной энергетики, и антиядерные движения в зарубежных странах в 1980-х годах либо поощряли общественные движения, либо препятство-

¹ В своих исследованиях Suga часто ссылается на такие группы как «Shiroto no ran» (протест обывателей) и «Dame-ren (беспольное сборище)» и другие группы «новой волны».

вали им в соответствующие исторические периоды и таким образом определяли характеристики движения [7, с. 107-110, с. 179-188]. Kawamiga характеризует общественное движение после событий 11 марта 2011 г. как духовное выражение озабоченности судьбой человечества [7, с. 173].

Какими бы привлекательными и наглядными ни были аргументы ученых, они не являются полностью убедительными. Попытки объяснить социальные движения, используя такие понятия, как духовность, мысли и идеи того времени, могли бы увлечь их современников общим опытом. Однако в немногих случаях их аргументы строятся на логических умозаключениях; они делают это, читая «настроение времени», и, следовательно, их утверждения выражают их личное мнение. Чтобы дать более осмысленную оценку общественного движения, последовавшего за событиями 11 марта 2011 г., нам нужно понимание, построенное на эмпирических доказательствах и обоснованных выводах о восприятии тех, кто действительно участвует в деятельности движения.

Исследования общественного движения выявили различные культурные компоненты, входящие в его состав: фреймы, коллективная идентичность, эмоции, в дополнение к нормам и идеологиям [1; 2; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Среди этих культурных ценностей основное внимание в нашей статье мы уделяем смыслу действия. Человеческое действие не происходит в вакууме — оно обязательно влечет за собой намерение, которое субъект придает своему собственному акту действия или бездействия. Поскольку действие в общественном движении направлено на предъявление претензии, оно несет в себе субъективное приписывание смысла рассматриваемому явлению и последующее действие по изменению статуса-кво.

Общественное движение влечет за собой интерпретации. Участие в нем можно рассматривать как результат мыслительных процессов, которые включают оценку объекта, считающегося проблематичным, и связанные с этим интерпретации, чтобы осмыслить тот факт, что объект существует как он есть, вместе с определяющими причинами его проблематичности. Движение объединяет и множество субъектов, и субъективные интерпретации и смыслы, взаимосвязанные или противоречивые, приписы-

ваемые как проблемным обстоятельствам «на месте», так и последующему акту протеста. По сути, общественное движение — это совокупность смыслов, проецируемых субъектами движения на доминирующие смыслы, имеющие общечеловеческое понимание в общественном пространстве. При более широком рассмотрении общественное движение порождает «войны интерпретаций» [15, с. 385], в которых альтернативная концептуализация противостоит смыслу, который является в тот момент доминирующим.

Важность понимания функционирования общественного движения с точки зрения атрибуции смысла давно признана исследователями общественных движений. В своем стремлении дифференцировать различные аспекты культуры Sewell [16] указывает, что один из способов понять культуру — это рассматривать ее как систему смыслов. В этом ракурсе основной задачей культурологического анализа выступает обобщение содержательных аспектов человеческой жизни. Таким образом, одним из центральных компонентов культурного анализа становится анализ приобретения и создания смыслов субъектами, стремящимися к определению и переопределению ситуаций в пользу собственных действий.

Подобная концептуализация культуры и последующее важное значение, придаваемое анализу смысла, находит более конкретное выражение в работе Melucci. Ссылаясь на процесс формирования коллективной идентичности, исследователь утверждает, что малые группы являются рассадником антидоминантной культуры, где создаются новые культурные коды и альтернативные рамки для смысла. Согласно Melucci, общественное движение можно рассматривать как комплексную сеть смыслов общественного действия. Таким образом, сеть служит местом, где рождается и сохраняется смысл анти-доминирования [1; 2; 14; 17].

Другие ученые также обращаются к различным аспектам приписывания смысла общественному движению. Одни акцентируют внимание на процессе возникновения смысла как важном акте созидания [18; 19]; другие подчеркивают значение социокультурного пространства и опыта, из которых общественное движение извлекает множественные смыслы для действия [20; 21; 22; 23; 24].

Несмотря на важность роли, которую играет смысл в функционировании общественного движения, само содержание смысла не было подробно раскрыто в исследованиях, посвященных анализу действия конкретного общественного движения. Например, какие смыслы приписывают субъекты движения рассматриваемому явлению и своему собственному действию, направленному на данное явление? Приписываемый смысл служит продуктом человеческой способности к ассоциации, вновь ассоциированный смысл извлекается из существующих социокультурных контекстов и затем прикрепляется к рассматриваемому объекту [16, с. 51]. Повторение данного процесса, который Gamson и Modigliani [21, с. 3] называют «прибыльным» (value-added), порождает множество смыслов. Кроме того, приписываемые смыслы должны отличаться по содержанию у разных субъектов. Как же тогда смыслы, составляющие множество, связаны друг с другом и как они проявляются в качестве коллективной совокупности? Если общественное движение можно рассматривать как сеть смыслов, то в идеальном эмпирическом случае мы можем идентифицировать каждый смысл как составной элемент совокупности. Таким образом, следующим шагом становится определение сети смыслов или схемы интерпретации в конкретных условиях, то есть нам необходимо визуализировать сеть смыслов.

Наглядное представление сети смыслов наделяет нас дополнительным инструментом для анализа культуры общественного движения — обнаружением в нем основных и периферийных смыслов. Мы часто задаемся вопросом о том, какие центральные идеи лежат в основе функционирования общественных движений. Чтобы ответить на него, мы полагались на гипотезу, основанную на наших экспертных знаниях. Как было упомянуто выше, данная практика не имеет надежных эмпирических оснований. Эмпирическая база, опираясь на которую можно расшифровать доминирующие и периферийные смыслы, также должна помочь нам более глубоко понять культуру общественного движения.

Главная цель нашей статьи — охарактеризовать антиядерное движение в Японии после событий 11 марта 2011 г. через наши наблюдения смыслов, приписываемых взрывам на АЭС и последующим акциям протеста. Чтобы выде-

лить главные черты общественного движения, вызванного событиями 11 марта 2011 г., мы рассмотрим для сравнения другую антиядерную кампанию, которая прошла в стране в 1954 г. Учитывая, что наш подход достаточно чувствителен, чтобы уловить смыслы действия, мы можем наблюдать различные наборы смыслов в этих двух кампаниях. Несмотря на то что их часто объединяют под названием «антиядерное движение», они должны строиться на различных предпосылках, с различным социокультурным фоном и ментальной структурой участников. Таким образом, в настоящей статье мы анализируем как кампанию 1954 г., так и кампанию, вызванную в 2012 г. событиями 11 марта 2011 г., чтобы сопоставить сети смыслов, обнаруженных в этих движениях.

Две антиядерные кампании: 1954 и 2012 гг.

I. Кампания против атомной/водородной бомбы 1954 г.

Первое десятилетие после Второй мировой войны характеризовалось гонкой ядерных вооружений между США и Советским Союзом. Именно США первыми разработали атомную бомбу (1945 г.). Через месяц после экспериментального запуска атомные бомбы были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки и унесли жизни более 200 000 человек. В 1949 г. Советский Союз провел собственный эксперимент по созданию атомной бомбы. Затем в 1952 г. США разработали водородную бомбу; здесь Советский Союз снова стал вторым. В этом историческом контексте США провели еще одно испытание водородной бомбы, названной «Кастл Браво» (Castle Bravo), на атолле Бикини 1 марта 1954 г. По данным, взрыв обладал в 1000 раз большей взрывной силой, чем тот, что произошел в Хиросиме [25, с. 199–210].

Японское рыболовецкое судно «Фукурюмару» (Daigo Fukuryu Maru), занимавшееся ловлей тунца неподалеку от атолла Бикини в момент взрывов, было осыпано радиоактивными осадками. 14 марта судно вернулось в свой родной порт Яидзу с грузом рыбы, зараженной радиоактивными веществами. К моменту прибытия судна у 23 членов экипажа уже появились симптомы лучевой болезни. Среди них был Айкики Кубояма, который умер в сентябре 1954 г., двое других членов экипажа в тяжелом состоянии были доставлены в университетскую больницу в Токио.

Этот инцидент привел к массовым волнениям по всей Японии, т.к. в 1950-х гг. рыба была незаменимым продуктом в рационе её жителей. Подозрение о том, что выставленная на продажу рыба может оказаться радиоактивно зараженной, мгновенно вызвало у них тревогу, что создало паническую ситуацию. Поэтому власти Токио распорядились об измерении степени радиоактивного загрязнения рыбы, выгружаемой в порту с рыболовецких судов. Соответственно отреагировали продовольственные рынки: к концу марта рыночная цена на рыбу резко упала (на 20–30%). Местные торговцы рыбой и работники рыбных рынков, пострадавшие от резкого падения продаж, начали требовать возмещения ущерба, причиненного радиоактивным загрязнением. Муниципальное собрание Токио совместно с Собранием префектуры Сидзуока выдвинуло требование национальному правительству о выплате компенсации. Волнение в обществе становилось все сильнее, поскольку никто, включая правительство Японии, не мог найти способ устранения в повседневной жизни продовольственных рисков.

Вскоре общественность стала рассматривать инцидент на атолле Бикини в более широком контексте. В конце марта 1954 г. в муниципалитете Сэтагая состоялось заседание ассамблеи, на котором была принята резолюция, призывающая к безоговорочному запрещению во всем мире ядерного оружия, наносящего ущерб потомкам. На заседании прозвучало также напоминание о том, что японский народ подвергся воздействию ядерной радиации уже в третий² раз [25, с. 263–268].

На фоне этих событий началась масштабная кампания по сбору подписей в поддержку данной резолюции. В мае 1954 г. в токийском районе Сугинами состоялось заседание Совета женщин, заслушавших рассказ торговца рыбой, которому пришлось закрыть магазин, и принявших решение заняться проблемами, обусловленными инцидентом на атолле Бикини. Была принята Петиция Сугинами о запрете атомной и водородной бомбы (Suginami Petition Drive to Ban the Atomic and Hydrogen Bomb), а через ме-

сяц было опубликовано Обращение Сугинами (Suginami Appeal). В обращении, трактующем инцидент у атолла Бикини как создание жизненных трудностей работникам рыбного рынка и торговцам рыбой и повседневных тревог потребителям в целом, провозглашалась защита жизни и счастья человеческого рода. Обращение Сугинами ознаменовало начало кампании по сбору подписей. Изначально её целью был сбор 100 000 подписей за месяц, однако эта отметка была быстро превышена. По мере того как кампания перерастала в общенациональную, число собранных подписей к октябрю увеличилось до 1,1 миллиона, а к январю 1955 г. — более чем вдвое. К августу число подписей возросло более чем до 32 миллионов [25, с. 274–299; 26, с. 122; 27, с. 172–173].

II. Антиядерная кампания 2012 г.

11 марта 2011 года сильное землетрясение и гигантское цунами обрушились на северную часть Японии. Цунами уничтожило города, деревни, разрушив общины, семьи и среду обитания, которую люди создавали в течение длительного периода времени. Цунами также вывело из строя аварийную энергосистему АЭС в Фукусиме, что привело к взрывам на электростанции в последующие дни. Авария на АЭС и последующее радиоактивное загрязнение вынудили местных жителей покинуть район, в котором они жили и работали в непосредственной близости от АЭС. Жилые районы превратились в города-призраки, где можно было найти только бродячих домашних животных и скот.

События 11 марта 2011 г. привели к всплеску гражданской активности. После 27 марта, когда в Токио состоялась первая антиядерная демонстрация с участием около 1200 человек, вся Япония оказалась охваченной антиядерными кампаниями [2, с. 66].

В середине апреля движение стало активно набирать обороты. Из дня в день одна спонтанная акция сменялась другой. Хронологический календарь событий, связанных с денуклеаризацией, показывает, что начиная с 9 апреля последовательно проводилась серия антиядерных кампаний (беседы, собрания и форумы), причем до середины августа не было зафиксировано ни одного дня без гражданских акций в этой сфере [3]. В истории общественных движений Японии редко случалось, чтобы кампании ежедневно привлекали новых участников.

² Первый случай — сброс атомной бомбы на Хиросиму 6 августа 1945 года, второй — сброс атомной бомбы на Нагасаки 9 августа 1945 года.

Этот последовательный рост числа спонтанных акций был отмечен несколькими памятными случаями. 11 июня 2011 г., через три месяца после событий 3 марта, была организована большая национальная кампания, с участием более трех тысяч гражданских организаций со всех Японских островов, которыми было проведено примерно 80 различных гражданских акций [28]. В ходе них антиядерные активности, экологи, профсоюзные деятели, педагоги, продовольственные коллективы, а также простые люди, включая родителей и детей, вышли на улицы, требуя денуклеаризации электростанций по всей Японии. Гражданские акции в Токио, организованные более чем в десяти различных местах города, собрали в общей сложности около десяти тысяч участников. Еще одно большое мероприятие прошло 11 сентября, в частности в память о терактах 11 сентября 2001 г. И снова примерно сорок различных районов Японии были охвачены движением с требованием денуклеаризации. Хотя к концу сентября гражданские акции в основном постепенно утихли, но в нескольких местах страны они продолжались и в течение 2011 года.

Еще одно крупное событие состоялось 14–15 января 2012 года, когда неправительственные организации (НПО) и группы общественных движений провели в Йокогаме первый Всемирный конгресс по денуклеаризации. При участии шести организаций в руководящем комитете и около 150 НПО и групп общественного движения в составе организационного комитета, а также с учетом 100 иностранных гостей из 30 стран, за два дня конгресс собрал около 20 000 человек. Место его проведения было заполнено сотнями стендов и столов различных гражданских групп; были организованы переговоры и форумы, проходившие почти без перерыва в комнатах и залах здания. В это же время снаружи проходили демонстрации и небольшие собрания. Можно сказать, что конгресс стал одним из самых ярких событий за всю кампанию денуклеаризации после марта 2011 г.

К числу характеристик антиядерного движения, вызванного событиями 11 марта 2011 г., относятся его длительность во времени и географическая распространенность. Из восьмидесяти кампаний, прошедших 11 июня, например, пять были организованы на Хоккайдо,

самом северном острове, и четыре на Кюсю и Окинаве, самых южных островах Японии. В течение июня в среднем 42 кампании были проведены в выходные дни, и это свидетельствует о том, что они состоялись не только в небольшом числе крупных городов. Одной из причин распространения антиядерных кампаний является тот факт, что на Японских островах расположены 54 АЭС и что акции протеста обычно организуются в населенных пунктах вокруг атомных станций³.

Кампании антиядерного движения, начавшиеся после 11 марта 2011 г., продолжают по сей день, хотя и происходит их постепенное сокращение, после того как в марте 2012 г. в стране отметили годовщину со дня трагических событий. Подобного движения такого масштаба, с широким географическим распространением и продолжительностью, Япония не наблюдала со времен студенческого движения шестидесятых годов прошлого века.

В следующем разделе мы обсудим данные и методы, используемые в нашем анализе. В качестве основного случая, который будет проанализирован в нашей статье, мы рассмотрим организованную в январе 2012 г. кампанию денуклеаризации, чтобы изучить совокупность ее смыслов, которая выявляется в результате процессов атрибуции смысла участниками. При этом мы также рассматриваем кампанию против атомной/водородной бомбы как еще один пример для анализа. Можно утверждать, что все кампании общественного движения уникально различны по совокупностям смыслов. Это связано с тем, что каждая кампания имеет свой исторический контекст, культурный фон и собственный набор участников. Схожесть кампаний 1954 и 2012 гг. — в их требованиях о денуклеаризации Японии, однако между ними более 60 лет разницы во времени, в течение которых резко изменилась политика японского правительства в области ядерной энергетики и существенно увеличилось число атомных электростанций в Японии. Таким образом, если наши теоретические посылки и аналитический метод верны, то мы сможем увидеть совершенно разные смысловые констелляции в этих двух случаях.

³ По состоянию на 26 сентября 2011 года в Японии было 54 АЭС.

Данные и методы

Наша цель в этой статье состоит в том, чтобы очертить конфигурацию смыслов, которые составляли бы субъективную совокупность кампании общественного движения. Под термином «смысл» мы понимаем совокупность понятий или интерпретаций, которые субъект приписывает инцидентам ядерного взрыва и акту участия в общественной кампании.

Мы используем сетевой анализ в качестве метода изучения сферы смысла в кампании общественного движения. Опираясь на существующую литературу по социальным сетям [29], мы используем как качественный, так и количественный подходы: первый — при извлечении субъективных смыслов, приписываемых акту участия в кампании, а второй — при анализе данных с использованием методов сетевого анализа после сортировки массива значений таким образом, чтобы их можно было измерить численно.

Смысл субъективно создается сначала из индивидуального психического процесса ассоциации, результат которого в дальнейшем будет являться мотивационным источником действия индивида. Например, для отдельного субъекта инцидент может быть связан с понятиями «Хиросима и Нагасаки», «черный дождь», «радиоактивное загрязнение» и «смерть невинных людей». Эти четыре определения в буквальном смысле являются результатами процессов ассоциации; они представляют собой субъективные смыслы, приписываемые инциденту. В то же время эти смыслы составляют мотивацию субъекта к действию, поскольку они являются потенциальными и воображаемыми результатами, которых субъект стремится избежать. Поскольку у нас есть множество субъектов в кампании, нам нужно получить от её участников множество приписываемых смыслов. Наблюдая взаимосвязь между несколькими значениями и интегрируя их в субъективную совокупность, которая представляла бы всю кампанию, мы можем увидеть в ней конфигурацию смыслов.

Кто является предметом изучения? Здесь мы должны были принять решение. Было бы идеально опросить всех участников кампании, чтобы выделить смыслы, которые каждый из них придает ядерным взрывам и акциям протеста. Однако это невозможно. Затем мы решили сосредоточиться на «сильных» участниках кам-

пании. Это те, кто охотно участвует в кампании через открытое выражение своих идей, мнений и интерпретаций рассматриваемого явления; к «слабым» же участникам относятся те, кто либо молчит, либо участвует в кампании довольно пассивно. Учитывая, что мотивационные и идеологические наклонности, а также общие ориентации кампании, как правило, определяются мнениями и высказываниями тех, кто выступает с такими заявлениями, мы решили сосредоточиться на идеях и мнениях, высказанных сильными участниками. Здесь возникла еще одна проблема: как определить сильных участников. В принципе, невозможно узнать, кто является таким участником, пока мы не выслушаем всех участников. Чтобы обойти эту проблему, мы предположили, что опубликованные документы, выдаваемые на месте проведения кампании, будут представлять их интерпретации о предмете, который они считают проблемным, и об их действиях. Кроме того, тот факт, что они опубликовали документы, будет означать их активное участие в акции протеста.

Это решение во многом определило наши источники данных. В общественных движениях после событий 11 марта 2011 г. наилучшей возможностью для сбора данных стал Всемирный конгресс по денуклеаризации. Он привлек гражданские группы и активистов с самых северных островов на самые южные острова Японии, на нем собрались как активисты общественных движений, так и группы НПО. Таким образом, мы предположили, что хорошая репрезентативность будет достигнута за счет использования документов Всемирного конгресса по денуклеаризации. В течение всей кампании мы собирали брошюры, местные газеты, плакаты и любые другие раздаточные материалы, которые доставлялись и раздавались участникам кампании. Эти текстовые материалы послужили источниками, из которых мы путем логического умозаключения извлекли субъективные смыслы.

В некотором смысле изучение набора документов, раздаваемых в ходе кампании, представляет нам аналитическое преимущество перед использованием методов интервью. Использование текста, взятого из интервью, ограничивает область исследования, поскольку при интервьюировании сбор данных приходится осуществлять только на месте проведе-

ния кампании; в то время как использование документов в качестве источников данных позволяет нам исследовать аналогичный случай в прошлом, пока соответствующие документы хранятся и доступны для использования. Это дополнение исторической глубины в исследовании позволяет нам изучить несколько случаев, которые имели место в разные исторические периоды времени.

В данной статье мы рассмотрим две масштабные антиядерные кампании в Японии: антиядерную/антиводородную кампанию 1954 г. и антиядерную кампанию 2012 года. В 2012 г. мы самостоятельно собрали источники данных, установив два критерия при их выборе: были ли они розданы на месте проведения акции или были изготовлены участниками движения либо участвующими организациями. Мы рассортировали все собранные документы и исключили избыточные. В итоге нашим требованиям удовлетворил 191 документ, что и составило совокупность источников данных для кампании 2012 г. Для кампании 1954 г. мы полностью полагались на архивные данные⁴, которые включают заявления, обращения, брошюры и плакаты. После выполнения тех же процедур в качестве источников данных было отобрано 34 документа.

На первом этапе создания набора данных мы используем качественный подход, фокусируясь на извлечении смыслов, которые субъект приписывает инциденту ядерного взрыва. Естественно, что сами по себе словосочетания «ядерный взрыв» или «ядерный синтез» — это термины, обозначающие только физико-химические явления. В жизни человека, через ассоциативный процесс, данные термины приобретают конкретные значения и интерпретируются как оказывающие многостороннее влияние на жизнь индивида. Читая текст в собранных документах, мы стараемся заглянуть в субъективные интерпретационные процессы. В частности, мы делаем вывод о намерениях, восприятии, понимании и объяснениях тех, кто составил и записал текст; мы рассматриваем метафоры, крылатые фразы, визуальные образы, призывы и символические представления [30]. Другими

⁴ Все архивные данные были взяты из Национальной парламентской библиотеки и Исторического музея Сугинами.

словами, мы пытаемся расшифровать смысловую работу тех, кто составлял тексты и визуальные образы в документах, и извлечь смыслы, приписываемые инциденту, и реакции людей.

На втором этапе создания набора данных мы количественно оцениваем смыслы, извлеченные из различных источников данных на первом этапе. В каждом году мы часто сталкиваемся с несколькими документами, которые имеют один и тот же смысл. Например, в 2012 г. «Фукусима» и «радиоактивный» оказались среди наиболее часто ассоциируемых смыслов в нескольких документах. Каждому термину мы присваиваем номер, отражающий частоту его употребления, в соответствии с количеством документов, в которых данный термин имеет один и тот же смысл. Эта процедура позволяет нам получить список смыслов с различными показателями частотности: 41 смысл, с частотностью от 1 до 78, для кампании 2012 г. и 23 смысла, с частотностью от 1 до 17, для кампании 1954 года.

Мы предполагаем, что эти смыслы взаимосвязаны и иерархичны. Один смысл может быть связан с другим, который, в свою очередь, связан с третьим и т.д. Это происходит вследствие того, что с термином «ядерный взрыв» обычно ассоциируется целый ряд смыслов. Таким образом, весь набор смыслов образует паутину, или сеть, смыслов. Однако не все смыслы равны по своей относительной значимости в сети смыслов. В крайнем случае, один смысл может доминировать над остальными, играя центральную роль в сети. Такой случай представлен обстоятельством, когда существует один сильный смысл, который все участники кампании связывают с ядерным взрывом. С другой стороны, может существовать множество смыслов, которые одинаково важны для создания сети смыслов. Следовательно, важной задачей в анализе данных является конфигурация сети смыслов, в которой смыслы так или иначе связаны между собой.

Это требует от нас использования программного обеспечения для сетевого анализа, что дает возможность выполнять численную обработку данных⁵. Это объясняется тем, что в настоящей работе [31] исследуются вопросы

⁵ Для анализа мы использовали UCINET 6 для Windows (32).

централизации и сегментации в сети смыслов. Это также полезный инструмент, помогающий избежать поверхностной оценки роли каждого смысла во всей сети смыслов. Сетевой анализ позволяет нам систематически выявлять центр и подсети всей сети смыслов в кампании общественного движения.

Проблемы с данными могут появиться при работе с документами 1954 г. Количество документов, которые мы используем для исследования кампании 1954 г., намного меньше, чем для кампании 2012 г. Это может свидетельствовать о недостаточном объеме собранных источников данных. Более проблематична возможность получения необъективных данных. Мы извлекли документы из архивных коллекций исторических материалов. Некоторые исторические документы, вероятно, сохранились лучше, чем другие, когда были собраны в книги и буклеты.

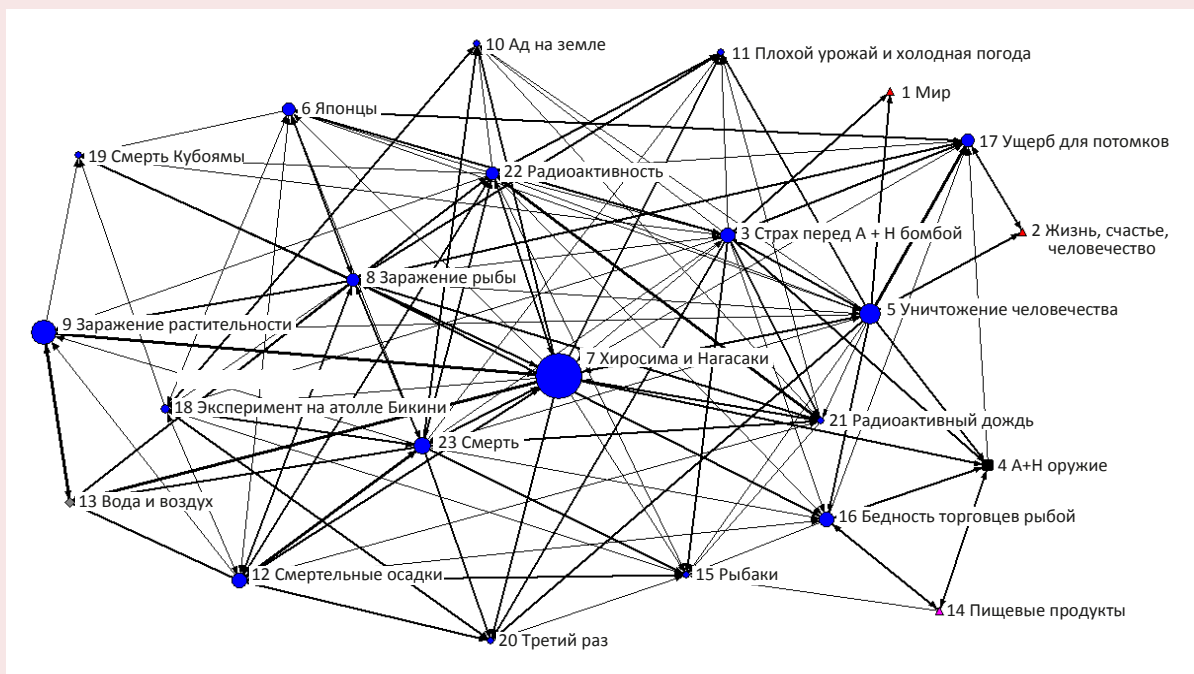
Признавая возможное существование таких потенциальных проблем, мы все же решили

использовать данные 1954 г. Они являются не только важными историческими ресурсами, но и незаменимыми материалами, с которыми мы проводим историческое сравнение. Фактически, после сравнительного анализа качественных отчетов о кампании 1954 г., взятых из другой научной литературы и результатов нашего сетевого анализа, мы чувствуем себя достаточно уверенными в том, что нам удалось воспроизвести существенную часть поля смыслов, существовавшего в кампании 1954 г. Тем не менее мы рассматриваем данную кампанию как пример, на который можно ссылаться, и не придаем ему слишком большого веса в нашем окончательном анализе данных.

Анализ и результаты

Сетевой график дает возможность расширить наше понимание взаимосвязи между смыслами и их относительной важности в создании всей сети смыслов⁶. На графике (рис. 1) показана сеть смыслов, выделенных в результате анализа данных 1954 г.

Рис. 1. Сеть смыслов, 1954 год*

* Составлено с использованием данных об антиядерной кампании 1954 г., Япония.

⁶ Для определения существования связи между узлами в сетевом графике мы использовали коэффициент совпадения 0,4 в качестве точки отсечения.

Мы используем измерения центральности для оценки относительной важности каждого смысла в создании всей сети смыслов⁷. Двенадцать смыслов с высокими баллами центральности были выделены и классифицированы по четырем областям смыслов: мгновенная реакция на водородную бомбу (страх перед А+Н бомбой, радиоактивностью), историческая память Японии (японцы, Хиросима и Нагасаки, смертельные осадки, смерть), тревога и трудности повседневной жизни (загрязнение рыбы, растительности, бедность торговцев рыбой) и тревога за будущее (А+Н оружие, уничтожение человечества, ущерб, наносимый потомкам)⁸. Эти четыре области можно рассматривать как ментальные поля, сыгравшие важную роль в создании сети смыслов в кампании 1954 г.

Кроме того, сетевой график позволяет определить степень значимости каждой из четырех областей смыслов. В этом отношении центральным смыслом явно обладают Хиросима и Нагасаки; остальные одиннадцать смыслов несколько отступают на задний план⁹. Изучение связи между Хиросимой и Нагасаки, и другими узлами показывает, что этот смысловой узел сильно связан с другими узлами, характерными для опыта японцев 1945 г.: «третий раз», «ад на земле», «радиоактивный дождь» и «смертельные осадки». Очевидно, что сброс атомных бомб США на города Хиросима и Нагасаки и последовавшие за этим катастрофы беспрецедентного масштаба остались в сознании многих как ад на земле, повлекший гибель невин-

⁷ Для измерения центральности мы главным образом использовали метод определения центральности по посредничеству, поскольку мы придаем большое значение соединительной функции каждого узла. При необходимости мы определяли центральность по степени; разница не была достаточно существенной, чтобы заставить нас изменить первоначальное суждение.

⁸ В сетевом графике степень централизации для каждого узла показана формой и размером узла. Круг (○) обозначает самую высокую степень центральности, за которой следуют ромб (◇), квадрат (□) и треугольник (△). В пределах той же формы узел большего размера показывает более высокую степень централизации, чем узел меньшего размера.

⁹ Центральность по посредничеству для Хиросимы и Нагасаки составляет 49,46, а для загрязнения растительности — 21,70. Исследование с измерением полустепени исхода также указывает на тот же самый вывод; Хиросима и Нагасаки по-прежнему занимают самую центральную позицию в графике.

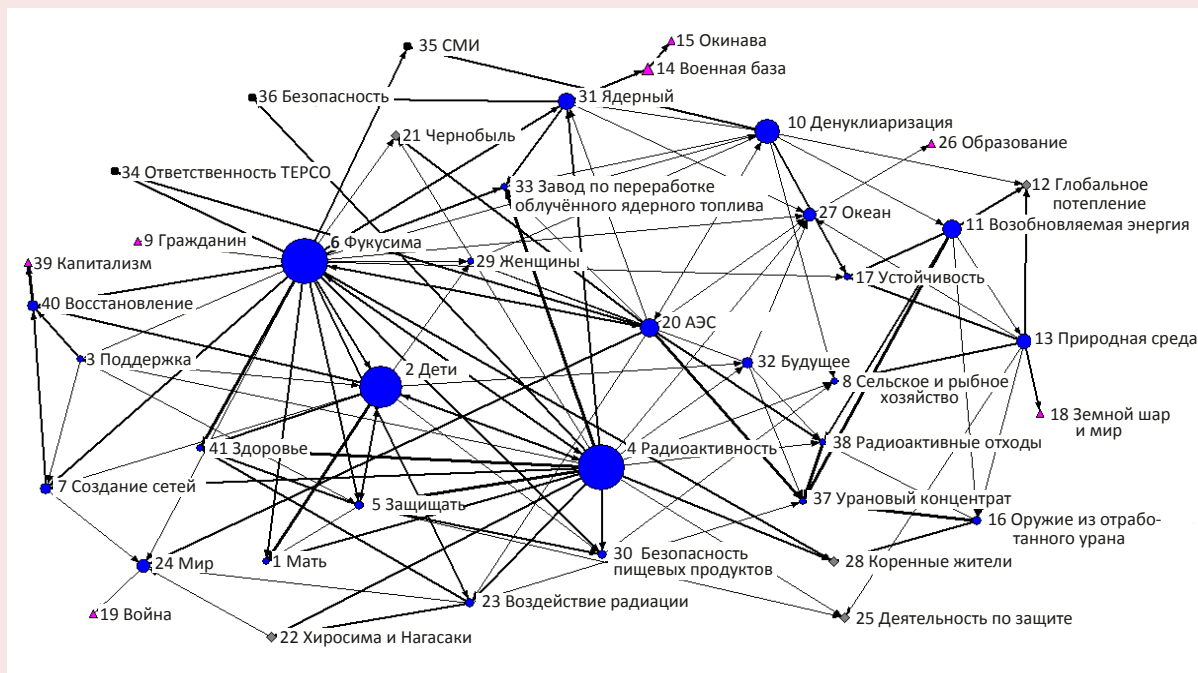
ных людей в результате радиоактивных дождей и смертельных осадков. Эта коллективная память стала ментальной базой, на основе которой извлекались смыслы, связанные с экспериментами с водородной бомбой в 1945 г. Термин «третий раз» демонстрирует этот мысленный ассоциативный процесс, протекавший во время антиядерной кампании 1954 г., для участников которой инцидент 1954 г. стал третьим случаем, когда японцы стали жертвами ядерного взрыва, последовавшего за трагедией Хиросимы и Нагасаки.

Загрязнение растительности занимает второе место по степени центральности на графике. Оно связано со смыслами, обозначающими тревогу по поводу ежедневного рациона (вода и воздух, загрязнение рыбы, бедность торговцев рыбой), смерть и бедствие (смерть, смерть Кубоямы, выпадение смертельных осадков, уничтожение человечества). Этот набор смыслов, сосредоточенных вокруг узлового смысла «загрязнение растительности», интерпретируется как представляющий собой человеческие страхи, связанные с тем, что потребление радиоактивно загрязненной рыбы, воды и воздуха может привести к смерти.

В целом те, кто участвовал в кампании против атомной/водородной бомбы в 1954 г., восприняли эксперименты на атолле Бикини и вызванное ими облучение японских рыбаков как угрозу их повседневному рациону питания, что в свою очередь привело к тревоге за настоящее и будущие поколения, включая ущерб для потомков и страх за будущее человечества. Историческая память о трагедиях 1945 г. в Хиросиме и Нагасаки сыграла центральную роль в создании сети смыслов 1954 г.

На графике (рис. 2) показан результат сетевого анализа кампании общественного движения 2012 г., наш основной случай, проанализированный в данной статье. На графике выделяются три смысла, имеющие самые высокие баллы центральности: «дети», «Фукусима» и «радиоактивность». Есть и другие смыслы, которые также обладают более высокими баллами центральности, чем остальные. Прокласифицировав эти смыслы, мы получили пять областей смыслов: Фукусима, прямой ответ на взрывы на АЭС (радиоактивность, радиоактивное воздействие, атомная электростанция, ядерный), защита детей (дети, защищать, буду-

Рис. 2. Сеть смыслов, 2012 год*

* Составлено с использованием данных по антиядерной кампании 2012 г., Япония.

ще), денуклеаризация (денуклеаризация, строительство сетей) и обеспокоенность, вызванная состоянием окружающей среды (возобновляемая энергия, природная среда, океан). Понятие «Фукусима» стало всеобъемлющим: оно включает в себя множество смыслов – от непосредственных физических результатов взрывов на АЭС до чувства риска и тревоги за будущее, а также скорби и горя тех, кто пострадал от инцидента. Так же, как на сетевом графике 1954 г., мы находим набор прямых ментальных реакций на инцидент 2011 г. Естественно, что в этой области понятия «ядерный» и «радиоактивность» являются центральными смыслами инцидента.

Набор смыслов, который представляет собой ментальную ориентацию на защиту детей, явно входит в число наиболее заметных характеристик кампании 2012 г. В сетевом графике понятие «дети» связано с понятиями «защита», «ядерная энергия», «здоровье», «поддержка», «женщины», «будущее» и «безопасность пищевых продуктов», а также «Фукусима» и «восстановление». Эта подсеть смыслов может быть интерпретирована как имеющая свое происхождение в менталитете материнства, на-

правленном на защиту ребенка в будущем. Это отражается на фактическом действии общественного движения. Значительную часть его участников составили молодые мамы, многие из которых пришли с детьми. Следовательно, общественное движение, последовавшее за событиями 11 марта 2011 г., можно рассматривать как движение матерей.

Последние две области смыслов – денуклеаризация и обеспокоенность, вызванная состоянием окружающей среды, – взаимосвязаны, поскольку попытка остановить политику в области развития ядерной энергетики, которая рассматривалась как источник загрязнения природных сред: почвы, деревьев и океанов – после событий 11 марта 2011 г., обязательно влечет за собой восстановление природы и сохранение природных сред, избежавших загрязнения.

Необходимо отметить, что обеспокоенность, вызванная состоянием окружающей среды, не похожа на ту, которая обычно бывает отражена в глобальных общественных движениях. Понятия «земной шар и мир» и «глобальное потепление», как оказалось, занимают лишь мар-

гинальные позиции в сетевом графике. Таким образом, эта обеспокоенность является локально ориентированной, тесно связанной с повседневной жизнью людей. Глобальные проблемы не играют центральной роли в создании совокупности смыслов кампании 2012 г.

Другие сильные характеристики сетевого графика 2012 г. можно найти в его периферийных областях. Во-первых, в отличие от выводов, которые мы получили исходя из данных 1954 г., в 2012 г. Хиросима и Нагасаки не занимают центрального положения. Скорее они играют второстепенную роль в создании сети смыслов. Как упоминалось ранее, это можно интерпретировать следующим образом: после событий 11 марта 2011 г. понятие «Фукусима» приобрело статус синонима «Хиросимы и Нагасаки», и поэтому участникам кампании не нужно было прибегать к коллективной памяти японского народа так часто, как в 1954 г. Во-вторых, в периферийных областях расположены понятия «милитаризм», «военная база», «Окинава» и «капитализм». Это указывает на то, что опасения, которые мы обычно находим в антиглобалистских движениях, такие как антикапитализм и антимиитаризм, не являются существенной основой для создания смысла в кампании 2012 г. Наконец, Токийская энергетическая компания (ТЕРСО), владелец взорвавшихся АЭС в Фукусиме, также не выступает центральным предметом опасений участников кампании. Это может быть связано с тем, что в ходе кампании обвинения в адрес ТЕРСО как виновника взрывов и последующих страданий людей звучали довольно слабо.

Таким образом, похоже, что кампания 2012 года не является ни глобальным движением, ни движением, которое решительно выступает против ТЕРСО. Эта кампания сосредоточена вокруг заботы о защите детей и окружающей среды.

Обсуждения и последствия

Целью данной статьи являлось исследование ментальных аспектов антиядерных движений в Японии после событий 11 марта 2011 г. Для достижения этой цели мы рассмотрели те смыслы, которые участники кампании придают инциденту с ядерными взрывами и последующим действиям по продвижению денуклеаризации. Наш подход основан на предположении, что участник действует на основе смыслов, ко-

торые он приписывает рассматриваемому объекту, и что множественность участников движения создает массив смыслов, в котором множественные смыслы взаимосвязаны, так что их совокупность создает сеть смыслов.

Исследователи общественных движений уже довольно давно признали, что в таких движениях существует мир смыслов и что акт протеста может быть интерпретирован как борьба против набора смыслов, приписываемых противоборствующими сторонами, часто доминирующими, явлению, которое участники движения считают проблемным. Кроме того, ученые установили, что в кампании общественного движения может быть центральный смысл, который контролирует и регулирует другие смыслы, и что в сети смыслов существуют подмножества смыслов, которые охватывают всю кампанию общественного движения [например, 12; 14; 15]. Иными словами, наш подход к созданию «ментальной карты» заключается в выявлении разнообразных смыслов, приписываемых акту протеста, а также в выявлении центральных смыслов и важных подсетей смыслов.

Наш главный вывод заключается в том, что в кампании 2012 г. было три центральных смысла: «Фукусима», «радиоактивность» и «дети», вокруг которых сосредоточено большинство других смыслов. Понятие «Фукусима», повидимому, стало общеупотребительным словом и приобрело статус, характерный для понятий «Хиросима» и «Нагасаки». Лишившись своего значения как существительное, обозначающее место, данное понятие стало абстрактным, обозначающим совокупность трагедий, таких как радиоактивное загрязнение, распад семьи, разрушение общины, горе и скорбь. Радиоактивность может быть интерпретирована как результат прямого ассоциативного процесса, связанного со взрывами на АЭС. Это, наверное, первый смысл, который участники акции приписали взрыву. Сильное присутствие понятия «дети» показывает, что ментальные склонности участников значительно продвинулись в сторону защиты детей, и это придало смысл их акту протеста; среди прочего, их действия были направлены на защиту детей в будущем. В этом смысле движение после событий 11 марта 2011 г. — это движение матерей. Кроме того, набор смыслов указывает на сильную озабоченность участников состоянием окружающей сре-

ды. Есть публикации, в которых общественное движение, вызванное событиями 11 марта 2011 года, представляется как осуждающее политику правительства и ТЕРСО [33; 34]. Наш же анализ показывает иную картину: это движение, направленное на защиту окружающей природной среды и детей.

Наконец, общественное движение после событий 11 марта 2011 г. не является глобальным. Некоторые из смыслов, как правило ассоциирующихся с сегодняшними глобальными движениями, не были признаны центральными в данной кампании. Оно не является также движением антиглобализма; смыслы, связанные с антикапитализмом и антимилитаризмом, вытесняются на периферию всей сети смыслов.

Характеристики движения после событий 11 марта 2011 г. в Японии становятся гораздо более ясными по сравнению с характеристиками антиядерной кампании 1954 г. В кампании 1954 г. психологический настрой участников в основном формировался памятью о трагедии в Хиросиме и Нагасаки. Они черпали смыслы ядерных взрывов из коллективной памяти. Движение после событий 11 марта 2011 г. выглядит иначе. Оно не черпает свои смыслы из предыдущего исторического опыта; вместо этого, кажется, что оно создало новый всеобъемлющий символ своей собственной печали — «Фукусима». Во-вторых, движение 1954 г. отчасти было вызвано ощущением рисков продовольственной безопасности. В движении после событий 11 марта 2011 г. безопасность пищевых продуктов также вызывает озабоченность, однако она не играет центральной роли во всей сети смыслов, о чем свидетельствует относительная удаленность смыслов, относящихся к безопасности пищевых продуктов.

В целом кампания 1954 г. и кампания после событий 11 марта 2011 г., часто объединяемые под названием «антиядерное движение», являются совершенно разными. В то время как движение 1954 г. в основном черпало свои смыслы из коллективной памяти о Хиросиме и Нагасаки и риска в области продовольственной безопасности, движение после событий 11 марта 2011 г. было движимо материнскими чувствами о защите ребенка и заботой об охране местной окружающей среды.

В рамках культурного подхода к общественным движениям много говорилось о смыслах, которые участники приписывают своему собственному действию и объекту, считающемуся источником проблемы. Множество смыслов, найденных в ходе общественного движения, также называют сетью смыслов. Однако такая паутина смыслов, присутствующих в реальной кампании общественного движения, не была исследована до настоящего времени. Представленный в нашей статье подход с использованием составления ментальных карт отражает психологические свойства участников движения. Это позволяет нам лучше понять культурные аспекты общественных движений.

Подобный подход может также помочь нам понять изменение менталитета и процессов приписывания смысла кампаниям общественных движений, поскольку, с учетом имеющихся данных, он может быть применен к прошлым кампаниям. Итак, мы рассмотрели только две кампании общественных движений, прошедших в разные периоды. Увеличивая количество исследуемых случаев в разные периоды времени, можно сделать вывод о трансформации смыслов, которые участники движения придают акту протеста.

Литература

1. Melucci A. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Ed. by J. Keane, P. Mier. London: Hutchinson Radius, 1989.
2. Melucci A. The process of collective identity. In: Johnston H., Klandermans B. (Eds.). *Social Movements and Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995. Pp. 41–63.
3. Denuclearization Event Information. *2011 Event Calendar*. Available at: <http://datugeninfo.web.fc2.com/> (accessed 26 September 2011).
4. Hirabayashi Y. Antinuclear demonstrations and the young. *People's Plan*, 2012, no. 58, pp. 65–70.
5. Yamamoto H., Katano Y., Kanaya M., Tamaki E., Nomiya D. Citizen's battle: an image of Japanese society in the 2003 peace protest survey. *Sophia*, 2004, no. 52, pp. 65–90.

6. Suga H. *History of the Ideas of the Antinuclear: From the Cold War to Fukushima*. Chikuma Selected Books Series. Tokyo: Chikuma Shobo, 2012.
7. Kawamura M. *The Nuclear Power Plant and the Nuclear Bomb: Post World War Spiritual History of the Nuclear*. Kawade Books Series. Tokyo: Kawade Shobo Shinsha, 2011.
8. Snow D.A., Rochford E.B., Jr, Worden S.K., Benford R.D. Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation. *American Sociological Review*, 1986, Aug., vol. 51, no. 4, pp. 464–481.
9. Snow D.A., Benford R.D. Ideology. Frame resonance, and participant mobilization. *International Social Movement Research*, 1988, no. 1, pp. 197–217.
10. Polletta F. Culture and its discontents: recent theorizing on the cultural dimensions of protest. *Sociological Inquiry*, 1997, no. 67, pp. 431–450.
11. Polletta F., Jasper J.M. Collective identity and social movements. *Annual Review of Sociology*, 2001, no. 27, pp. 283–305.
12. Jasper J.M. *The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
13. Jasper J.M. The emotion of protest: affective and reactive emotions in an around social movements. *Sociological Forum*, 1998, no. 13, pp. 397–424.
14. Johnston H., Klandermans B. *Social Movements and Culture*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.
15. Slater D. Rethinking the specialities of social movements: questions of borders, culture, and politics in global times. In: Alvarez S.E., Dagnino E., Escobar A. (Eds.). *Cultures of Politics, Politics of Cultures: Re-visioning Latin American Social Movements*. Boulder, Colorado: West View Press, 1998.
16. Sewell W.H. Jr. The concept(s) of culture. In: Bonnel V.E, Hunt L.A., Biernacki R. (Eds.). *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. University of California Press, 1999. Pp. 35–61.
17. Bartholomew A., Mayer M. Nomads of the present: Melucci's contribution to 'New Social Movement' theory. *Theory, Culture, and Society*, 1992, no. 9, pp. 141–159.
18. Williams R.H., Benford R.D. Two faces of collective action frames: a theoretical consideration. *Current Perspectives in Social Theory*, 2000, no. 20, pp. 127–151.
19. Nomiya D. Under a global mask: family narratives and local memory in a global social movement in Japan. *Societies Without Borders*, 2009, no. 4, pp. 117–140.
20. Gamson W. *Talking Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
21. Gamson W., Modigliani A. Media discourse and public opinion and nuclear power: a constructionist approach. *American Journal of Sociology*, 1989, no. 95, pp. 1–37.
22. McAdam D. Culture and social movements. In: Laraña E., Johnston H., Gusfield J.R. (Eds.). *New Social Movements: From Ideology to Identity*. Pennsylvania: Temple University Press, 1994. Pp. 36–57.
23. Nomiya D. From "Hiroshima" to "Fukushima": meaning transformation of the nuclear. *Sophia*, 2012, no. 59 (4), pp. 82–98.
24. Nomiya D. Social movement in Japan: split mentalities and memory. In: Farro A., Lustiger-Thaler H. (Eds.). *Reimagining Social Movements: From Collectives to Individuals*. UK: Ashgate Publishing, 2016. Pp. 81–94.
25. Maruhama E. *Birth of Antinuclear/Hydrogen Bomb Movements: Residents' Power and Undercurrent of Suginami Ward, Tokyo*. Tokyo: Gaifu-u-sha, 2011.
26. Sasaki-Uemura W. *Organizing the Spontaneous: Citizen Protest in Postwar Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2001.
27. Shibagaki K. *History of Showa Period Vol 9: From Peace to High Growth*. Tokyo: Shogakkan, 1983.
28. Kokuminn no Kai. A Group of National Citizens Who Criticize the Power and Mass Communication Media and Protect Human Rights. Available at: <http://blog.goo.ne.jp/uhi36845-002/e/019043f8f72f317980d0c1a85391a5b7> (accessed 26 September 2011).
29. Diani M., McAdam D. *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. New York: Oxford University Press, 2003.
30. Griswold W. A methodological framework for the sociology of culture. *Sociological Methodology*, 1987, no. 17, pp. 1–35.

31. Diani M. Networks and social movements: a research programme. In: Diani M., McAdam D. (Eds.). *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. New York: Oxford University Press, 2003. Pp. 299–319.
32. Borgatti S.P., Martin G.E., Jeffrey C.J. *Analyzing Social Networks*. Thousand Oaks, California: Sage, 2013.
33. Nakamura M., Fujita T., Nagaoka H. Out of order Fukushima anticipated: Fukushima Power Plant no. 1 had been pointed out as having high risk. *Newsweek*, 2011, no. 26 (13), pp. 28–33.
34. Hida M. Politicians, bureaucrats, and industrial circles have been responsible for the nuclear power plant accident. Interview with Paul Scalise. *Economist*, 2011, no. 89 (20), p. 38.

Сведения об авторах

Дайширо Номия – Ph.D. (социология), профессор, руководитель Программы мировой социологии, факультет социологии, Университет Чуо (192-0393, Япония, Токио, Хигаси Накано, Хатиодзи, 742-1; e-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp)

Исаму Сугино – магистр социологии, профессор, факультет прикладной социологии, Университет Отяномидзу (112-8610, Япония, Токио, Оцука, Бункё, 2-1-1; e-mail: sugino.isamu@ocha.ac.jp)

Риса Мурасе – магистр в области международных отношений, аспирант, факультет социологии, Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл (США, СВ 3210, Северная Каролина, 27599-3210, Чапел-Хилл, Гамильтон-Холл, 254; e-mail: risa@live.unc.edu)

Daishiro Nomiya, Isamu Sugino, Risa Murase

Social Movements as Networks of Meanings: Constructing a Mental Map of the 2012 Antinuclear Movement Campaign in Japan

Abstract. Social movement is a battlefield of meanings; a movement campaign contains a cluster of diverse meanings given by those participating in the campaign. Stimulated by such theoretical concepts as “network of meanings”, scholars have attempted to seize the collective meaning attribution process and resultant meaning clusters, as well as central/dominant and peripheral meanings in social movement campaigns. However, such a meaning cluster in the actual movement campaign has never been captured to date. This paper is an attempt to draw what we call “mental map,” mapping a cluster of meanings the movement campaign accommodates. Employing network analysis technique, we draw a network graph showing a cluster of meanings present in the movement campaign. We used the 2012 anti-nuclear movement campaign in Japan as a research site where we collected empirical data. The analysis of the 2012 network graph clearly showed central meanings considered to dominate the signification process of the 2012 campaign and a cluster of meanings that constituted a subset in the entire web of meanings. To ensure the capability of our research technique to differentiate meaning clusters from one movement campaign to another, we compared the 2012 campaign against the 1954 campaign. The differences were stark: the 2012 campaign was strongly driven by motherhood mentality to protect children and a concern over local environments, while the 1954 campaign dominantly drew its signification from collective memory of Hiroshima and Nagasaki and risk on food safety. The mental map approach can help us understand “why” of the movement campaign from yet another perspective; it can also assist us in understanding the change in the mentality and meaning attribution processes of social movements, as, given the data exist, it can be applied to the past campaigns.

Key words: mental map, social movement, social movement campaign, meaning, network analysis, network of meanings, Japan.

Information about the Authors

Daishiro Nomiya – Ph.D. in Sociology, Professor, Director, Global Sociology Program, Department of Sociology, Chuo University (742-1, Higashi-Nakano, Hachioji-city, Tokyo, 192-0393, Japan; e-mail: dainom@tamacc.chuo-u.ac.jp)

Isamu Sugino – MA in Sociology, Professor, Department of Applied Sociology, Ochanomizu University (2-1-1, Otsuka, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-8610, Japan; e-mail: sugino.isamu@ocha.ac.jp)

Risa Murase – MA in International Relations, Graduate Student, Department of Sociology, University of North Carolina at Chapel Hill (254, Hamilton Hall, CB 3210, Chapel Hill, NC, 27599-3210, USA; e-mail: risa@live.unc.edu)

Статья поступила 16.09.2019.